

Мышеловка.

Шутка въ 1-мъ дѣйстви

Ивана Щеглова.

Къ представленію дозволено 27 апрѣля 1889 г., № 2303.

Л и ц а:

Прасковья Федоровна Трамбацкая, «театральная губительница», выскнваетъ въ любительскихъ кружкахъ жениховъ для своихъ дочерей.

Клѣпа (Клеопатра) }
Лика (Лидія) } ся дочери.

Венъяминовъ }
Погудяевъ } обеспеченные молодые люди, «любители», недавніе знакомые Трамбацкихъ по любительскому кружку.

Горничная.

Дѣйствіе въ квартирѣ Трамбацкой.

Гостиная у Трамбацкихъ. Мякая мебель, цвѣты, картины. Въ углу, на пьедесталѣ, статуэтки Амура. Три двери: средняя, «входная» и двѣ боковыхъ. При поднятіи занавѣсы, Трамбацкая и Клѣпа стоятъ посреди сцены въ театральныхъ позахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трамбацкая и Клѣпа.

Клѣпа (*декламируетъ*):

«Ужь носятя сомнительные слухи,
Ужь новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...»
(*Мрачно озирается.*)

Трамб. (*аплодируетъ*). Bravo, Клѣпа, bravo!... Превосходно!... Поза, жестъ, мимика — все очень, очень хорошо!!

Клѣпа. Мерсі, шатап.

Трамб. Только смотри, не упусти, что я тебѣ говорила... Помни, дочь моя, что «репетиція на-дому», насдинѣ съ молодымъ человѣкомъ—это чистый кладъ для незамужней женщины. Надо быть пошлой душой, чтобы не воспользоваться такимъ счастливымъ случаемъ. Ты, разумѣется, понимаешь въ чемъ дѣло?

Клѣпа. Понимаю, шатап.

Трамб. Я потому и выбрала въ «Борисѣ

Годуновѣ» сцену у фонтана, что это самое подходящее мѣсто въ твоемъ положеніи. Ты вѣдь знаешь, что мой первый зять Бачмановъ сдѣлалъ предложеніе моей Сонѣ именно въ этой же самой сценѣ. Хотя я и не особенная поклонница поэзіи, но, должна признаться, въ этомъ отношеніи очень много обязана Пушкину. Надѣюсь, что ты сумѣешь попасть въ тонъ не хуже моей Сони?

Клѣпа. Постараюсь, шатап.

Трамб. Помни же, отъ сегодняшней репетиціи зависить твоя участь... Ну, будешь продолжать... Позволь, я забыла за разговоромъ твою реплику!

Клѣпа. «А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...»

Трамб. Ахъ, да! (*декламируетъ съ пафосомъ за «Самозванца»*).

«Что Годуновъ? Во власти-ли Бориса

Твоя любовь, одно мое блаженство?

Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной ты...

Ты замѣнишь мнѣ царскую корону!

Твоя любовь.....»

(Говоритъ) Въ этомъ мѣстѣ я тебя обвиняю... т. е. не я, а онъ... monsieur Погуляевъ долженъ тебя обнять!

Клепа. А если онъ этого не сдѣлаетъ? Онъ такой неопытный любитель.

Трамб. Ты ему напомнишь... Ты ему скажешь, что такъ надо... согласно театральнымъ традиціямъ.

Клепа. Слушаю, шатап... Можно продолжать?

Трамб. Ужъ право не знаю. Если онъ порядочный человѣкъ, онъ не доведетъ репетиціи до конца.

Клепа. Отчего же не доведетъ?

Трамб. Очень просто—потому, что сдѣлаетъ тебѣ предложеніе.

Клепа. Вы думаете?

Трамб. Ты увидишь. Впрочемъ, все зависитъ отъ тебя самой. Если ты будешь вести роль въ томъ тонѣ, какъ я тебѣ наказала, я въ успѣхѣ не сомнѣваюсь.

Клепа. Все, все сдѣлаю, какъ вы наказали, шатап. Мнѣ непремѣнно хочется сдѣлаться madame Погуляевой. Онъ такой покорный, такой услужливый и, вдобавокъ, говорятъ, ужасно богатъ.

Трамб. Совсѣмъ не такъ ужасно, какъ говорить, но, во всякомъ случаѣ, у него есть итѣніе со строевымъ лѣсонъ и нигдѣ не заложенное. А въ наше время женихъ безъ долговъ—это такая рѣдкость, такая рѣдкость... все равно, что человѣкъ безъ заднихъ мыслей!...

(Звонокъ въ передней.)

Клепа. Неужто уже онъ? Ахъ, какъ страшно!

Трамб. Не волнуйся, дитя мое, — это звонокъ Веньяминова. Вотъ человѣкъ, который возмущаетъ меня до глубины души. Ходить къ намъ вторю недѣлю и все не можетъ найти подходящаго матеріала для репетированія съ Ликой. А еще адвокатъ, человѣкъ со средствами, съ положеніемъ... Не понимаю!

Клепа. Онъ ужасно нерѣшителенъ, шатап!

Трамб. Какой вздоръ: онъ просто глупъ! Пои́шался на Шекспирѣ и выражается какими-то высокими изреченіями, которыхъ никто не понимаетъ. Если онъ сегодня не будетъ выражаться яснѣе, я его устрою. Такіе драматическіе женихи совсѣмъ не въ моихъ видахъ! Займи пока его, а то я боюсь, чтобъ не высказать ему сгоряча то, что думаю! А ты теперь знаешь—о чемъ я думаю? (Уходитъ нальво. Въ средней двери показывается Веньяминовъ съ толстой книгой подъ мышкой и большимъ узломъ, изъ котораго торчитъ конецъ шатап.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Клепа и Веньяминовъ.

Клепа (беретъ книгу и учитъ роль, какъ-бы не замѣчая входящаго Веньяминова).

«Часы бѣгутъ и дорого мнѣ время.

Я здѣсь тебѣ назначила свиданье

Не для того, чтобы...»

(Замѣтивъ Веньяминова) Ахъ, Анатолій Павловичъ, это вы? Здравствуйте. Что это вы сегодня съ какими багажомъ!... Это что за фоліантъ?

Веньяминовъ. Это Шекспиръ.

Клепа. А узелъ съ чѣмъ?

Веньяминовъ. А тутъ костюмъ Гамлета, главныя принадлежности. Я безъ костюма совсѣмъ не могу репетировать,—Богъ знаетъ, что у меня тогда выходитъ. Но разъ я надѣваю костюмъ, я сейчасъ же вхожу въ роль.

Клепа. Наконецъ-таки вы рѣшились репетировать! Какъ же это мнѣ Лика ничего не говорила?

Веньяминовъ. Я, признаться, скрывалъ отъ Лидіи Львовны. Хотѣлъ какъ слѣдуетъ приготовиться... все изучалъ «критику Бѣлинскаго».

Клепа. Теперь готовы?

Веньяминовъ. Хотъ сейчасъ готовъ приступить, если Лидія Львовна дома!

Клепа. Нѣтъ, она ушла въ театральную библиотеку за новой ролью. Она сейчасъ придетъ.

Веньяминовъ. А какъ здоровье вашей матушки?

Клепа. Благодарю васъ. Она, по обыкновенію, хлопочетъ по хозяйству.

Веньяминовъ. А вы, по обыкновенію, все за изученіемъ классическихъ образцовъ?

Клепа. Да, какъ видите. Искусство — это моя страсть, моя болѣзнь.

Веньяминовъ. И моя тоже.

Клепа (аффектированно). Я какъ мотылекъ стремлюсь на огонекъ раппы, потому что внѣ атмосферы искусства ничего не вижу кромѣ прозы.

Веньяминовъ. «Раппа—есть предѣлъ и ллю зін», какъ сказалъ Джемсъ Льюксъ!

Клепа. Право, еслибы не шатап, я бы бросила все и поступила на сцену.

Веньяминовъ. Я кажется тѣмъ кончу, не смотря на протесты моего папа, потому что адвокатская дѣятельность рѣшительно мнѣ не по сердцу... Достаточно одной судебной обстановки, чтобы убить всякую иллюзію... Прошу покорно тутъ вдохновиться—во фракъ, въ бѣлошъ галстухъ, съ томоиъ «Уложенія о наказаніяхъ» подъ мышкой! Вотъ еслибы можно было облечься въ костюмъ Отелло, или въ какую-нибудь римскую тогу, это—другое дѣло: тутъ по неволѣ заговоришь не своимъ голосомъ... Нѣтъ, адвокатская дѣятельность положительно мѣшаетъ драматической, въ этомъ я убѣдился на первыхъ же шагахъ...

Клепа. Да, къ сожалѣнію, искусство требуетъ всего человѣка, не позволяетъ мириться ни съ какими уклоненіями.

Веньяминовъ. Я вамъ скажу болѣе: чело-

вѣкъ, посвятившій себя искусству не долженъ даже жениться.

Клепа. Ну, ужъ это крайность! *(Пауза)* Извините за вопросъ: развѣ моя сестра вамъ не нравится?

Веньяминовъ. Помилуйте, какъ можно, но видите ли, Лессингъ сказала... *(При послѣднихъ словахъ входитъ Трамбецкая.)*

ЯВЛЕНИЕ III.

Трамбецкая, Клепа и Веньяминовъ.

Трамб. Какой тамъ Лессингъ? Что онъ ска- залъ? Здравствуйте! О чемъ вы тутъ спорите?

Клепа. Вотъ Анатолий Павловичъ говоритъ, будто существуетъ такое убѣжденіе, что чело- вѣкъ, посвятившій себя искусству, не долженъ жениться.

Трамб. Какая нелѣпость! Да челоуѣка съ подобными убѣжденіемъ не примутъ ни въ одинъ семейный домъ. И потомъ, позвольте, въ чемъ же, наконецъ, заключается цѣль искусства, какъ не въ томъ, чтобы насъ плѣнять? Ну, а развѣ васъ плѣнили, бракъ неизбѣженъ... Это ясно какъ день, тутъ не о чемъ и спорить.

Веньяминовъ. Вы смотрите слишкомъ одно- сторонне, Прасковья Оедоровна; вы забываете, какъ высказался въ этомъ случаѣ, въ каче- ствѣ критика, Денисъ Дидро: «Миссія ак- тера,—говоритъ онъ,—это величайшая миссія въ мірѣ, это...»

Трамб. *(рѣзко перебивая).* А я васъ, въ качествѣ матери, скажу прямо, что величайшая миссія въ мірѣ — это миссія семьянина. Для того, чтобы быть актеромъ, совершенно до- статочно одного желанія, а для того, чтобы имѣть, по нынѣшнимъ временамъ, семью, тутъ мало одного желанія,—тутъ нужно еще состоя- ніе... Солидное состояніе, въ родѣ какъ... *(Удерживаясь)* Ну, да это все равно въ какомъ родѣ, лишь бы было! Займемся теперь глав- нымъ: рѣшились вы, наконецъ, хоть что-ни- будь прорепетировать съ моею младшею до- черью или нѣтъ?

Веньяминовъ. Да, я рѣшился... я выбралъ «Гамлета» *(Трамбецкая хмурится).* Вы, по- жалуйста, не думайте, что я проваляю... я дол- го къ нему готовился... по Бѣлинскому.

Трамб. Гамлетъ!... Знаю... Только забыла чѣмъ кончается?

Веньяминовъ. Гамлетъ умираетъ...

Трамб. Женатый?

Веньяминовъ. Нѣтъ, холостой... Онъ умираетъ на дуэли.

Трамб. Я, право, не знаю, согласится ли Лика на Гамлета. Пьесы, которыя кончаются такъ неопредѣленно, совсѣмъ не въ характерѣ моей дочери. Да и я сама, какъ мать, мало симпатизирую «незамужнимъ» пьесамъ! *(Звонокъ.)*

Клепа. А, вотъ и ваша Офелія. *(Вбѣгаетъ Лика.)*

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Лика.

Лика *(вбѣгая).* Мамаша! Мамаша! знаешь, что я узнала... Ахъ, Анатолий Павловичъ, здравствуйте... я васъ въ попыткахъ и не за- мѣтила... *(Кокетливо)* Отчего это вы вчера, милостивый государь, не изволили явиться въ кружокъ, а?

Веньяминовъ. Помилуйте, я счелъ бы сво- ей священной обязанностью, но... но я гото- вился къ репетиціи.

Клепа. Анатолий Павловичъ говоритъ правду. Онъ рѣшился, наконецъ, себя проявить.

Лика. Мерсі. Это очень любезно съ вашей стороны.

Трамб. Только не знаю, будетъ ли тебѣ по вкусу выборъ Анатолия Павловича... онъ вы- бралъ Гамлета... сцену съ Офеліей... По-моему это такая сухая вещь...

Веньяминовъ. Помилуйте, Прасковья Оедо- ровна, совсѣмъ не сухая... Откуда вы взяли, что сухая?

Лика. Разуиѣется, все зависитъ отъ того, какъ ее играть... *(Сосредоточенно задумыва- ется.)*

Веньяминовъ. О, я увѣренъ, что Офелія выйдетъ у васъ очень типична: у васъ голу- бые глаза и бѣлокурые волосы,—почти все, что требуется... О чемъ же вамъ думать?

Лика. Я думаю о томъ, что недурно было бы сдѣлать... разрѣзъ.

Веньяминовъ. То-есть какъ это разрѣзъ?

Лика. Такъ разрѣзъ... вотъ здѣсь, съ боку... *(Указываетъ на юбку своею платьемъ.)* Это вышло бы очень эффектно!

Веньяминовъ. Но, помилуйте, Лидія Львовна, насколько извѣстно по исторіи,—Офелія вовсе не была гречанкой!

Лика. Ахъ, исторія тутъ не причеиъ—это исполнѣ дѣло портнихи и собственного вкуса... *(Соображая)* Да, это выйдетъ необыкновенно эффектно! *(Кротко)* Хорошо, я согласна... Я на все согласна.

Трамб. Она на все согласна... Вы видите, что это не дѣвушка, а ангелъ! *(Обнимаетъ дочь.)* Ну, рассказывай, моя стрекоза, что ты узнала?

Лика. Я только-что изъ кружка!... Тамъ происходитъ, мама, что-то неладное: по сценѣ ходитъ приставъ съ козиномъ дома и о чемъ- то таинственно шепчутся... Въ дамской убор- ной торгуются каііе-то жиды... А на лѣстни- цѣ—цѣлая толпа любителей, изъ тѣхъ, кото- рымъ не удалось до сихъ поръ себя проявить... Иные плачутъ, а другіе вслухъ бранятся, что даромъ внесли деньги... Какъ видно, нашъ ми-

лѣйшій кружокъ доживаетъ свои послѣдніе дни!...

Веньяминъ. Вы говорите «послѣдніе?» Экая обида!... Значитъ, мнѣ теперь не удастся репетировать на подмосткахъ?!

Трамб. Вы можете репетировать *безъ* подмостковъ... Это рѣшительно все равно... Истинный любитель будетъ репетировать въ полѣ, въ лѣсу, на берегу моря, гдѣ угодно... лишь бы было съ кѣмъ репетировать!...

Веньяминъ. Во всякомъ случаѣ вы мнѣ позволите репетировать въ костюмѣ?... Это меня вдохновляетъ!

Трамб. Сдѣлайте одолженіе, если это только вамъ къ лицу.

Веньяминъ. И вымазаться мнѣ тоже можно?

Трамб. Какъ вымазаться?... Зачѣмъ вымазаться?

Веньяминъ. То-есть, я хотѣлъ сказать... «нагримироваться», чтобъ быть Гамлетомъ съ ногъ до головы!...

Трамб. Нѣтъ, это будетъ какъ будто лишнее. Тѣмъ болѣе, по ходу дѣйствія, вамъ вѣроятно придется дѣловаться, а при гримировкѣ это ужъ совсѣмъ неудобно.

Веньяминъ (*Ликъ*). Если вы желаете, начнете репетировать?... Я горю нетерпѣніемъ.

Лика. Я тоже вся горю!

Трамб. Потерпите минуту, дѣти мои... Сейчасъ долженъ явиться monsieur Погуляевъ... (*Веньямину*) Нашъ новый членъ... Вы только пожалуйста ничего не говорите ему о паденіи Кружка: онъ слишкомъ любитъ искусство, чтобъ принять извѣстіе равнодушно. (*Звонокъ.*) Вотъ и онъ—легкокъ на поминѣ! (*Въ сторону*) Искусство падаетъ,—надо будетъ принять самыя энергическія мѣры, чтобъ поставить на ноги семью!!

(*Входитъ Погуляевъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Трамбедка, Клѣпа, Лика, Веньяминъ и Погуляевъ; потомъ горничная.

Трамб. А, милѣйшій Дмитрій Петровичъ, добро пожаловать! Вотъ позвольте вамъ представить—соперникъ по подмосткамъ, Анатолій Павловичъ Веньяминъ, молодой адвокатъ... (*Веньямину*) Павелъ Петровичъ Погуляевъ, черниговскій помѣщикъ, тоже страстный театралъ!...

Погуляевъ. Очень, очень пріятно!

Веньяминъ. Я тоже очень радъ... Истинные театралы теперь такая рѣдкость! (*Отходятъ направо на авансцену. Трамбедка въ глубинѣ наставляетъ дочерей.*) Помилуйте, бросить помѣстье и прѣхать въ городъ, чтобъ подвизаться на подмосткахъ—въ наше матеріальное время это просто подвигъ!

Погуляевъ. Надо вамъ сказать, что я питаю полнѣйшее отвращеніе къ сельскому хозяйству, непреодолимое...

Веньяминъ. Вѣроятно, такое же, какъ я къ адвокатурѣ. Объявлять мошенниковъ совсѣмъ не въ моей натурѣ,—я предпочитаю громить ихъ съ подмостковъ.

Погуляевъ. А вы давно знакомы съ семействомъ Транбедкиныхъ?

Веньяминъ. Вторую недѣлю. Гостепріимнѣйшая семья... Меня здѣсь принимаютъ какъ родного.

Погуляевъ. Да, превосходные люди. Я познакомился съ ними только на дняхъ, въ кружкѣ, и уже приглашенъ сегодня пройти съ старшею дочерью... *сцену у фонтана.*

Веньяминъ. А я репетирую сегодня съ младшей Гамлета... *сцену съ Офеліей.* Можно сказать, классическое семейство!... И какія даровитыя дочери... Вамъ которая нравится?

Погуляевъ. Мнѣ кажется, что старшая...

Веньяминъ. А мнѣ сдается, что я неравнодушенъ къ младшей. Но смотрите, мы пришли сюда собственно чтобъ играть,—увлекаться въ сторону не надо... „Искусство прежде всего!“... какъ сказалъ, если не ошибаюсь, Франсуа Сарсэ...

Погуляевъ (*наивно*). Да, разужьется, чтобъ играть... надо прежде всего искусство!

Трамб. Ну, господа, не будемъ терять золотого времени—приступимъ! (*Веньямину*) У васъ по пьесѣ какая декорация?

Веньяминъ. Зала во дворцѣ.

Трамб. Значитъ, вы можете репетировать въ залѣ, вамъ не нужно никакой обстановки.

Веньяминъ. Собственно говоря, во времена Шекспира и не было никакой обстановки,—играющіе больше налегали на чувство...

Трамб. Тѣмъ лучше, играйте какъ во времена Шекспира—налегайте на чувство... А вы, monsieur Погуляевъ, потрудитесь здѣсь прорепетировать... Во времена Пушкина обстановкой не пренебрегали. Аннушка, Аннушка!

(*Входитъ горничная.*)

Лика (*Веньямину, который забралъ съ собой книгу и узелъ, театрално*). „Здоровы ли вы, принцъ?“

Веньяминъ (*недоумываяще*). Покорно васъ благодарю... я здоровъ!

Трамб. Ну, и идите себѣ, репетируйте на здоровье!

Лика. Принцъ, вашу руку?

Веньяминъ. Милая Офелія!...

(*Уходятъ направо.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Трамбедка, Клѣпа, Погуляевъ и горничная.

Трамбедка. Аннушка, приберите комнату.
Горничная (*интимно*). Для игры прибрать...

какъ въ позапрошломъ году для Софьи Львовны?

Трамб. (вздыхая). Да, какъ въ позапрошломъ! Амура поставьте посреди.... *(Общими силами водружаютъ посреди сцены пьедесталъ и статуетку. Погуляеву:)* Это будетъ замѣсто фонтана... Что дѣлать, вадо прижнваться къ обстоятельствамъ. *(Горничной)* Столъ отодвиньте... Эта козетка будетъ вѣсто садовой скамьи... Цвѣтовъ сколько угодно—совсѣмъ садъ... Вотъ только нѣтъ луны... Развѣ это стѣнное блюдо... Вообразите, что это луна!... Теперь все готово... *(Горничной)* Никого не принимать! *(Погуляеву и Клѣпа)* Ну, репетируйте съ Богомъ, репетируйте, я вамъ нѣшать не стану! *(Уходитъ въ среднюю дверь, подмигивая Клѣпу. Горничная смѣдуетъ за ней.)*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Погуляевъ и Клѣпа.

Погуляевъ. Какая досада, что я не догадался захватить съ собой костюма!

Клѣпа. Это ничего, вы не такъ связаны... *(Пауза.)*

Погуляевъ. Вы меня извините... Мнѣ откуда выходить?

Клѣпа. Вы выходите слѣва... А я отсюда... справа... Это такъ по исторіи!...

(Становятся. Пауза. Погуляевъ смотритъ смущенно на статую Амура, а Клѣпа полуметривала дверь справа, откуда доносится завываніе Венъямінова: «Умереть — уснууть нне болѣе!»)

Клѣпа. Что жъ, начнемте?

Погуляевъ. Я, право, не знаю, какъ я начну... Я ужасно волнуясь...

Клѣпа (въ сторону). Это счастливый принакъ! *(Ему.)* Иначе и быть не можетъ, развѣ вы пришли на свиданіе... Ну-съ, я жду?

Погуляевъ (выступаетъ на средину сцены, откашливается и уныло протягиваетъ): «Вотъ и фонтанъ...» *(Говоритъ)* Нѣтъ, не такъ... Вы меня извините, но сразу никакъ не попадешъ въ тонъ *(Гордо)* «Вотъ и фонтанъ»... *(Говоритъ)* Опять не вышло!

Клѣпа. Вы попробуйте произнести совсѣмъ просто... Ну, вотъ, какъ бы сказали: «а вотъ и я!»...

Погуляевъ. Merçi! (имитируетъ) «А вотъ и фонтанъ!» *(говоритъ)*. Нѣтъ не выходить... У меня начало никогда не выходить.

Клѣпа. Такъ начнемте съ середины, съ моего выхода, а монологъ пропустимъ. По правдѣ говоря, эти противные монологи только затяиваютъ дѣйствіе.

Погуляевъ. Какъ пропустимъ? Вѣдь это нѣкоторымъ образомъ Пушкинъ!

Клѣпа. Ну, что-жъ такое что Пушкинъ?

Слава Богу, мы вѣдь свободные любители, а не наемные актеры, которые обязаны идти строка въ строку. Да вотъ нашъ кружковскій режиссеръ—тотъ всегда своими словами играетъ. Не далѣе какъ на насланицѣ онъ игралъ въ кружкѣ Фамусова—и тоже своими словами.

Погуляевъ. И публика ничего?

Клѣпа. Ничего, очень радушно принимала.

Погуляевъ. Въ такомъ случаѣ приступимъ къ дѣйствію!

Клѣпа. (откашливается и начинаетъ) «Дмитрій... вы?...»

Погуляевъ (на растѣвѣ). «Волшебный, сладкій голосъ! *(Подходить къ Клѣпу.)* Ты-ль, наконецъ?...»

Клѣпа (прерывая). Что-жъ вы не цѣлуете мои руки?

Погуляевъ. А развѣ это надо?

Клѣпа. Обязательно. Это польская манера. Вѣдь вы Самозванецъ?

Погуляевъ. Ахъ, я совсѣмъ забылъ, что я Самозванецъ! *(Цѣлуетъ руки и продолжаетъ скороговоркой, какъ заученный урокъ.)*

Тебя-ли вижу я,

Одну со мной, подъ стѣною тихой ночи?

Какъ медленно катился скучный день!

Какъ медленно заря вечерня гасла!

Какъ долго ждалъ во мракѣ я полночь!»

Клѣпа (декламируетъ, перекивая и отуская слова, не имѣющія прямого отношенія къ Погуляеву, и подчеркивая строки, идущія къ дѣлу:)

«Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время.

Я здѣсь тебѣ назначила свиданье

Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи

Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,

Что любишь ты, но слушай: я рѣшилась

Съ твоей судьбой... соединишь судьбу мою...

(Хватаетъ его за руку.) То вправдѣ

Я требовалъ, Дмитрій, одного:

Я требую, чтобъ ты души своей

Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,

Намѣренья и даже опасенья,

Чтобъ объ руку съ тобой могла я снѣло

Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской

слѣпотой,

Не какъ раба желаній легкихъ мужа...

Но какъ твоя за конна я супруга!»

(Пристально на него смотритъ. Затѣмъ отрывисто) Теперь вамъ.

Погуляевъ (конфузится и замирается).

«О, дай забыть хоть на единый часъ

Моей судьбы заботы и тревоги!

Забудь сана!... Клѣпа, зри...»

(Говоритъ) Pardon! я оговорился!

Клѣпа. Ничего, это вышло у васъ очень натурально.

Погуляевъ (запутывается еще болѣе).

«Клѣпа, зри... О, зри... Воозри!»

(Говоритъ) Забылъ какъ дальше. Безъ суф-

лера ужасно стѣснительно идти, нѣтъ никакой нити для ума!

Клепа. За то какой просторъ для чувства! *(Шепотомъ подсказываетъ)*

«О, выслушай моленія любви!»

Погудяевъ *(недослышавъ)*.

«О, выслушай меленія мов!...»

Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

О!!!...»

Клепа. Здѣсь мы садимся.

Погудяевъ. У Пушкина этого нѣтъ!

Клепа. Вы опять съ Пушкинымъ!... Надо обращаться со сценой, а не съ Пушкинымъ. Разъ написано «сердце полно» — ясно нужно нѣкоторый отдых *(Садятся на диванъ)*. Я продолжаю:

«П о с л у ш а я, князь; ты медлишь,
а междъ тѣмъ
Приверженность моя къ тебѣ
остынетъ;

Часть отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;

(Охлаждается.)

Ужъ носятя сомнительные слухи,

Ужъ новизна сбѣняетъ новизну;

А Годуновъ свои приемлетъ
и ѣры...»

(Снова тревожно озирается; въ средннихъ дверяхъ показывается голова г-жи Трамбецкой.)

Погудяевъ *(крикнуво, размахивая руками)*.

«Что Годуновъ? Во власти ли Бориса

Твоя любовь, одно мое блаженство?

Клепа. Послѣдній стихъ вырвался у васъ прямо изъ сердца!

Погудяевъ *(увлекаясь)*.

«Твоя любовь — одно мое блаженство!...»

Нѣтъ, нѣтъ! Теперь гляжу я равнодушно

На тронъ его, на царственную власть.

Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь

И... и... и...»

(Говоритъ) Опять потерялъ тонъ, — какая досада!

Клепа. Это ничего. Какъ разъ въ этомъ самомъ мѣстѣ вы меня обнимаете!

Погудяевъ. Кажется, этого нѣтъ въ текстѣ?

Клепа. Все равно, это такъ нужно... по ходу дѣйствія *(Погудяевъ нерышительно обнимаетъ)*. Вы обнимаете нѣсколько раньше, послѣ словъ «твоя любовь» и дѣлаете за тѣмъ продолжительную паузу... И обнимаете рѣшительнѣе — это польская манера!

Погудяевъ *(совсѣмъ сбился съ тона)*.

«Твоя любовь... твоя любовь...»

Твоя... моя...»

(Обнимаетъ и ждетъ реплики, склонивъ голову на плечо Клепы; въ эту самую минуту Трамбецкая выходитъ на середину сцены.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и Трамбецкая.

Трамб. *(выходя изъ прикрятія и протирая надъ ними руки)*. Благословляю, милыя дѣти, благословляю!!

Погудяевъ *(отъшивъ)*. Какъ: «благословляю!» Зачѣмъ: «благословляю?» Развѣ это есть у Пушкина?!

Трамб. *(со слезой въ глаза)*. На что мнѣ теперь Пушкинъ, — я и безъ Пушкина вижу, что вы другъ друга любите! Цѣлуйтесь, дѣти мои, не женируйтесь, — такія минуты въ жизни очень рѣдки, совсѣмъ рѣдки! *(Погудяевъ и Клепа шмыгуются)*. Анатолий Павловичъ! Лица! Идите сюда!! Идите скорѣй!!!

Погудяевъ *(освободившись изъ объятій Клепы, въ сторону)*. Переигралъ!... Непростительно переигралъ!...

(Входятъ Лица и Веняминовъ; Веняминовъ въ костюмъ Гамлета: въ плащъ, въ шляпъ съ перомъ и три шпаты.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Трамбецкая, Лица, Клепа, Погудяевъ и Веняминовъ, потомъ горничная.

Трамб. Идите же, идите! Позавидуйте на чужое счастье! Поздравьте торжествующую Марину и побѣжденнаго Самозванца! Порадуйтесь съ матерью, отправляющей подъ вѣнецъ свое предпоследнее дитя!

Лица и Веняминовъ *(смѣшавшись)*. Поздравляемъ! поздравляемъ!

Трамб. *(кивая на Погудяева и Клепу)*. Безцѣнные мои, какъ они счастливы! *(Веняминову)* И вамъ не завидно?... Упреки совѣсти васъ не одолѣваютъ?

Веняминовъ *(отъшивъ)*. Нѣтъ, одолѣваютъ, меня одолѣваютъ!

Трамб. *(шутливо)*. Такъ въ чемъ-же дѣло? Женитесь... За невѣстой дѣло не станетъ...

Веняминовъ *(сбитый съ толку)*. Вы знаете, въ моемъ положеніи Гамлета это выйдетъ какъ-то ненатурально. По Шекспиру Гамлетъ умираетъ неженатымъ, а Офелія вслѣдствіе любви путается въ умѣ.

Трамб. Ну, а выходитъ какъ разъ наоборотъ: вы путаетесь, а Офелія... О, я выпытала вчера у вашей маленькой Офелии одно признаніе, которое ее заставитъ сейчасъ же покраснѣть!

Лица. Мамаша, зачѣмъ... вѣдь я вамъ сказала подъ секретомъ?

Трамб. Никогда не надо имѣть никакихъ секретовъ, моя крошка! *(Веняминову)* Не правда ли? пусть она выскажется вполнѣ... Вы не прочь?

Веняминовъ *(покраснѣвъ)*. Я не прочь... А только выходитъ, что я совсѣмъ напрасно... готовился по Бѣлинскому?!

Трамб. Совершенно напрасно. У критиков одни взгляды на искусство, а у матерей—другие... (*Лица, по знаку матери, склоняется голову на плечо Веняминова.*) Совсѣмъ другіе!

Веняминовъ (*тупо*). Офелія!... О, нимфа! (*Обладѣвшій, цѣлуетъ съ Ликой.*)

Погудзевъ. Это просто удивительно, какъ это все вдругъ... точно шутка! (*Клепа тоже склоняется и цѣлуетъ съ Погудзевымъ.*)

Трамб. Ну, это не шутка—сладить двѣ свадьбы въ одинъ день. Далеко не шутка!! Ахъ, дѣти мои, еслибъ вы только знали, что происходитъ въ настоящую минуту въ моемъ материнскомъ сердцѣ, вы бы бросились ко мнѣ и разцѣловали!... (*Лица, Клепа, Погудзевъ и Веняминовъ устремляются цѣловать Трамбецкую. Входитъ горничная.*)

Горничная. Пожалуйте кушать... Супъ поданъ.

Трамб. (*растроганная*). Супъ? О, какъ кстати этотъ призывъ! Супъ—вѣдь это, такъ сказать, эмблема семейнаго счастья... Идите же, дѣти, идите!... Клепа, Лица, подите сюда—смотрите какъ вы растрепались? (*Оправляетъ въ глубинѣ туалета дочерей.*)

Веняминовъ (*на авансценѣ*). Я не знаю какъ я пойду обѣдать: у меня внезапно пропалъ весь аппетитъ!

Погудзевъ. У меня тоже!...

Веняминовъ. Вѣднй Самозванецъ!

Погудзевъ. Несчастный Гамлетъ! (*Растроганно обнимаются.*)

Трамб. (*подходя*). Что это съ вами такое?

Погудзевъ. Это съ нами... отъ избытка чувствъ.

Веняминовъ. Да, небольшой упадокъ нервовъ... обычный послѣ сильной игры! (*Изначально солекаетъ съ себя доспѣхи Гамлета.*)

Трамб. Въ такомъ случаѣ пойдите скорѣй... подкрѣпимъ силы... Марина... то-есть Клепа, бери подъ руку Дмитрія... Петровича!... А вы, Анатолій Павловичъ, возьмите мою Офелію мою Ликю... мое сокровище!... (*Слезливо*) Идите обѣдать... послѣдній разъ обѣдать!...

Погудзевъ и Веняминовъ. Какъ послѣдній разъ? Отчего послѣдній?

Трамб. Послѣдній... подъ крыломъ матери!... Вы сами видите, какъ ихъ окрылило ваше предложеніе?

Веняминовъ (*натянута*). Я придираюсь къ вашимъ словамъ, чтобы послать за бутылкой шампанскаго. (*Ликъ*) Я считаю долгомъ выпить за наше будущее...

Погудзевъ (*грустно*). А я пошлю отъ себя за другой... Я тоже хочу выпить! (*Идутъ попарно нальво.*)

Трамб. (*на авансценѣ*). Они хотятъ выпить... Они на верху блаженства!... Право, все это точно во снѣ: въ одинъ день—и двѣ свадьбы! Вотъ это дѣло... Я понимаю!... А всѣ эти разные тамъ Лессинги и Бѣлинскіе—все это какіе-то эмпирики, совсѣмъ неприхвѣнныя къ жизни!

Горничная (*Трамбецкой, указывая на статую Амура*). Ихъ можно убрать? Игры больше не будетъ?

Трамб. Ахъ, да, Амура? Уберите... хоть на чердакъ. Онъ больше не нуженъ. Игра кончена! (*Ликующая смѣдуетъ за дочерьми. Горничная прибираетъ Амура.*)

